

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.8

Теоретические аспекты этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья (этноонтологическое осмысление)

© З. Ф. Шайхисламова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: zubarzhas@yandex.ru

Статья ориентирована на решение актуальных проблем, касающихся вопросов приоритетного современного антропоцентрического направления, в рамках которой, по мнению автора, становится неизбежным рассмотрение башкирской топонимии с позиций когнитивной лингвистики, в аспекте отражения топонимической системой ментальных особенностей как целого этноса, так и отдельного носителя языка, топонимической личности Урало-Поволжья. Утверждается, что башкирскую топонимическую систему целесообразно рассмотреть как организованный фрагмент башкирской языковой картины мира. Статья посвящена раскрытию отмеченных проблем, для чего впервые подвергаются анализу идеографическая классификация как каркас познавательного процесса; топонимическая картина мира; рассматриваются материалы башкирских народных песен как языковой феномен; идея системной интерпретации освоения окружающей действительности и др.

Ключевые слова: топонимическая система, познание, когнитивный подход, идеографическая характеристика, феномен, этноонтологическое осмысление.

Язык как конститутивное свойство делает индивидуум человеком, что влечет за собой выдвигание основных требований к исследованию языковых феноменов. Антропоцентрические подходы нового лингвистического направления топонимических исследований открывают дополнительные возможности в их изучении. Это вовсе не значит, что полностью перечеркиваются итоги, результаты, полученные в рамках прежней традиционной теоретической концепции, методологии. Научный взгляд на топонимическую систему, представляющий собой важную часть в понимании языка как знаковой системы, позволяет ей тесно соприкоснуться с проблемами национального мировидения, миропонимания, т.е. когнитивными проблемами. При определении центральной темы когнитивного подхода к языку, изучении башкирской топонимической системы в этноонтологическом контексте мы опираемся на научную базу и позицию тех ученых, которые утверждают, что речь идет о языке в формате пространственно-временного континуума определенного этноса – его геокультурного бытования (Э. Р. Тенишев, Дж. Г. Кикбаев, Р. Г. Кузеев, Н. Х. Максютובה, Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Д. Гачев, В. В. Морковкин, С. М. Толстая, Е. Л. Березович, А. Т. Кайдаров, О. А. Корнилов, Е. И. Зеленев, А. Г. Шайхулов и др.). При исследовании топонимических систем конкретного языка отдельно взятого региона выбор семантического поля или группы зависит от цели исследования. По мнению Э. Р. Тенишева, среди большого количества описаний звукового и грамматического строя языков для исследования целых языковых массивов или частных систем диалектов лингвогеографический метод является одним из основных. Говоря об основных источниках сравнительно-исторических исследований, Э. Р. Тенишев выделяет особо материалы топонимии, антропонимии, этнонимии, что имеет значение главным образом для исследования лексики, а в некоторых случаях и фонетики,

так и материал других языков (имеются в виду языки алтайской (тюркские, монгольские, тунгусо-меньчжурские и корейские), урало-алтайской и ностратической общностей). Автор поясняет, что характер связей между этими языками до сих пор остается неясным. Как отмечают ученые, формирование башкирской народности связано с тюркоязычными племенами Алтая, Средней Азии, и Южной Сибири [14, с. 12]. Потребность этнолингвистического изучения топонимической системы в когнитивном аспекте, таким образом, становится очевидной, в задачи которого входят проблемы изучения топонимии с позиции человеческого сознания, с прагматическими установками в этноонтологическом осмыслении. Антропоцентрический подход, по нашему мнению, дает широкие возможности для исследования топонимического материала. Когнитивная топонимика понимается нами как этноонтологическое осмысление номинативной функции, которая прежде всего отражается в топонимах. Исследование феномена языка входит в компетенцию научных трудов не только лингвистического направления. Задачи когнитивного исследования состоят в глубоком анализе топонимического материала и раскрываются на стыке языкознания с различными смежными науками, которые базируются на глубинном когнитивном постижении действительности. Следовательно, важность когнитивного исследования языкового сознания (познавательного процесса) обуславливается необходимостью выявления степени межкультурного общения и интеграцией культур, заставляющей сфокусировать внимание на той роли, которую играет язык. Так как вместе с внедрением языковых шаблонов в сознание проникают и мировоззренческие установки, язык приобретает в сложившейся ситуации конкретное жизненно важное содержание [18, с. 191]. Отметим, в основе индивидуального и общественного сознания лежит картина мира, которую можно назвать знанием о мире. В своих работах мы разделяем мнение О. А. Корнилова о понятии «языковая картина мира», которое охватывает широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку. При таком подходе важным элементом является характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания [7, с. 325]. Каждый народ на территории своего обитания в соответствии с общественной и экономической необходимостью создает систему географических наименований. История становления, в частности, башкирского этноса [8], научные данные по вопросу формирования башкирского языка [10–11], материалы фольклора, башкирские народные песни, языковые данные позволяют в нашем исследовании затронуть сложные задачи, решение которых, на наш взгляд, тесно связано и с вопросами о глубинных, архаичных фонологических процессах, которые обусловлены как решением проблем генетического родства урало-алтайских языков, так и этнической историей башкир [4]. Наше исследование базируется на изучении мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности, башкирской топонимической системы (человек как единица функциональной жизни общества); познание (априори) [19]. В данном случае представляем идеографическую классификацию как каркас познавательного процесса [17]. Такая характеристика способствует достаточно строгому выявлению и характеристике слоя лексики, специфичного для каждого тюркского языка, а также проведению типологического сравнения на уровне семантических основ, способствующего выяснению этнолингвистических особенностей становления картины объективного мира, отраженных в их лексической структуре.

Согласно выше заявленной проблематике, топонимия является интересным объектом для разнопланового исследования их по выявлению феноменального, неповторимого. Благодаря отражению в топонимах исторического, духовного, социального и бытового опыта лексемы определенного языка выступают в данном случае как маркеры, благодаря которым мы можем определить как современную ментальность нации, так и попытаться восстановить, описать процесс становления воззрения древних людей, их окружающую действительность: природу, сообщество и самих себя. Окружающую действительность каждый этнос воспринимает на основе собственного практического освоения мира, с опорой на традиции и обычаи, с учетом установок особенностей культуры и специфики этнического сознания, которые формируются только ему присущими способами восприятия. В связи с поставленными целями и задачами в работе обосновывается определенная теоретическая база, позволяющая открывать как новые аспекты в рамках исследуемой тематики, так и установить новые семантические связи между ранее известными лексическими единицами. Отметим, что для лингвистических исследований важен факт осознания конечных целей классификационной деятельности, принципов построения классификационных систем и умение определять их ценность. От правильного выбора классификационных принципов исследуемого материала зависит верное решение заявленной проблемы. Запечатленный в языке и передаваемый от поколения к поколению воспринятый окружающий мир у каждого народа имеет особую, неповторимую проекцию. Индивидууму в процессе этой передачи в языковой форме передается специфичная программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира. «Какой „сеткой координат“ данный народ улавливает мир, – подчеркнул Г. Д. Гачев, – и соответственно какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами. Это особый „поворот“, в котором предстает бытие данному народу – и составляет национальный образ мира» [2, с. 24]. Национальное мировосприятие, мировидение в данной работе нами рассматриваются как система взглядов, установок, убеждений, определяющих понимание мира в целом, места в нем человека. Заявленная нами проблема поможет раскрытию некоторых нюансов в социальных значениях тюркского мира. «Это – поиск общих корней, символизирующих единый характер тюркского мира. Единые корни кроются, – как отмечает Э. Р. Тенишев, – в лексической сокровищнице тюрков, в фольклоре, особенно в этнических произведениях, обычаях и поверьях, народных ремеслах и искусстве и т.д.» [15, с. 299]. В этом отношении лексические материалы древнетюркских памятников являются очень важным источником. Мы придерживаемся точки зрения Э. Р. Тенишева о том, что языки части башкирских племен испытали тот сдвиг, что и языки, зафиксированные в древнетюркских памятниках. А это могло произойти лишь в том случае, если эти башкирские племена находились в тех же условиях, что и носители древнетюркских языков, и в территориальном соседстве друг с другом [15, с. 86]. Об этом свидетельствуют выявленные нами этнонимы, встречающиеся в языке орхоно-енисейской письменности: 1. Баз каган, предводитель, правитель, народа токуз-огуз (туғызлы. – 3. Ш.) (КТБ. 14). 2. Узрите его от детей «ун уков» до тат (татлы. – 3. Ш.) (КТМ. 12). Тат – древнетюркское название иранского народа. 3. Здесь мой народ, на юге – шад-апытские беи, на севере – таркат-буйрук беи (шад – шазы, шайзалы; апыт – апут. – 3. Ш.) (КТМ. 1). Был шадом народа тардауш (тардауш – тарзау, возможно – тауыш. – 3. Ш.) (КТ. 17. Б. П.). Мы полагаем, Бердяуш (Бирзәүеш) своими корнями восходит также к этнониму. 4. Народ усун (усун – усун, усылы. Осинский уезд 18–19 вв., ныне Пермь. – 3. Ш.) (ТОН. 14). 5. На курыкан ходили с тремя тысячами войск первым боем (курыкан – корған/курған. –

3. Ш.) (ТОН. 14). 6. Часть тюрков ушла на восток, в чащобу Чугай (Чугай – Шығай. – 3. Ш.) (КТм. 6). 7. Они соберутся вместе в степи Ярыш. (Ярыш – Ярыштау/Ярыштауы. – 3. Ш.) (Тон. 33). 8. К кытанцам пошел Тонра Самиг (кытан – Котан. – 3. Ш.) (Тон. 9) и т.д. Орхоно-енисейские памятники были обнаружены на территории Северной Монголии, в бассейнах рек Орхон, Селенга, Талас, в бассейне реки Енисей и на территории Хакасии. В науке эти памятники названы «Памятник в честь Культегина» и «Памятник в честь Тоньюкука». «Памятник в честь Культегина» состоит из двух частей – Большой и Малой. Для удобства в описании принятые сокращения: КТб – большая надпись памятника в честь Культегина; КТм – малая надпись памятника в честь Культегина; Тон. – памятник в честь Тоньюкука; КЧ – памятник Кули-Чуру. Из языка памятников орхоно-енисейской письменности можно привести следующие географические термины: таг (тау – гора), йазу (дала – поле, степь), көл (күл – озеро), үгүз (йылға – река), саб (һыу – вода), йыш (йышлык – чаща (урманлы һәм таулы ер – лесистая и гористая местность), йир (ер – земля, почва), урын – место, кар (кар – снег), талуй (диңгез – море, океан) и др. Изучение топонимической системы в этноонтологическом осмыслении проливает свет на многие вопросы истории, культуры, языка народов, в т. ч. и древних народов. Орхоно-енисейские письменные памятники являются важным свидетельством языка, основополагающих концепций древнетюркской государственности, ценнейших источников познания древнетюркской философии, а также бесценных источников информации по древнетюркской ономастике. Древнетюркская топонимика как система, включающая в себя многообразные взаимосвязанные элементы ономастического пространства языка, представляет собой своеобразный историко-культурный материал, который до сих пор не стал объектом цельного и всестороннего монографического исследования [13, с. 185]. Топонимы являются источником знания о географическом положении, истории, этнографии, миропонимании и восприятии окружающей действительности того или иного народа. Л. А. Наханова в статье «Ключевые детерминанты топонимов в тексте Кюль-Тегина» попыталась охарактеризовать древнетюркские топонимы памятника в честь Кюльтегина путем описательного метода, разделив топонимы на тематические группы, отражающие явления природы, связи «человека и природы», основу которых составляют лексемы, означающие реалии материальной и духовной культуры социума (человека). Памятники орхоно-енисейской письменности представляют собой ценнейший источник познания древнетюркского мировосприятия, мировоззрения, а также являются бесценным источником информации по древнетюркской топонимике. Древнетюркская топонимика представляет собой своеобразный историко-культурный материал, который до сих пор не стал объектом цельного и всестороннего монографического исследования. Исследование древнетюркской топонимики в орхоно-енисейских письменных памятниках требует системного подхода в когнитологическом аспекте. Интересные сведения можно найти и в современных научных изысканиях, например, адыгейское Камла (Камликка) «камыш» – (Камликка – Кэмәлек. – 3. Ш.); адыгейское Аше «место, где продавали оружие», возможно сходится с Аша. – 3. Ш.) [5, с. 30–31]. Р. Г. Кузеев отмечал: «Ономастам совершенно необходимо накопление данных по всему изучаемому этносу и по всей территории его исторического обитания. Только тогда появится возможность историко-хронологического (стратиграфического) членения материала и затем проведения этимологических и семантических изысканий, опирающихся на системные и достоверные знания об историческом развитии данного названия» [9]. Процесс формирования башкирского языка связан с участием многих кочевых народов в этнической истории племен, проживавших на Урале в V–X вв. Они один за другим создавали различные

племенные союзы, например, Печенего-огузский и Кипчакский (Куманский) племенные союзы, а позже основали Булгарию и Золотую Орду [4, с. 12]. Принято, что орхоно-енисейские памятники письменности VI–VIII вв. отражают состояние, историю, а также процесс развития башкирского и других родственных тюркских языков с глубокой древности. Эти памятники, будучи одними из самых древних письменных наследий тюркоязычных народов, считаются единственным источником для изучения истории тюркских языков. Обосновывается таким образом в перспективе, на основе данных топонимии в том числе, проводить сравнительно-историческое исследование топонимов в тюркских и финно-угорских языках народов Урало-Поволжья в рамках, отмеченных нами когнитивных сфер. Анализ топонимов в рамках когнитивных сфер позволяет поставить во главу угла не только проблемы познания реального мира, соотношения близкородственных языков и национальных культур. В основе теоретического осмысления специфики становления и развития (феноменальности) башкирской топонимической системы лежит идея системной интерпретации освоения окружающей действительности через познавательный процесс: природы (неживой и живой); человека (как физического, так и биологического существа); общества (человека как единицы функциональной жизни общества); познания (априори), где четвертая когнитивная сфера по естеству и по логике должна быть целеполагающей, т. к. она прямо связана с началом познания человеком окружающей объективной действительности [18]. Рубрики идеографической классификации охватывают, на наш взгляд, весь изучаемый массив лексики, согласно тому, что любая лексическая единица рассматривается как фрагмент языковой картины мира. В тюркском языкознании наиболее удачный опыт в этом отношении представляет идеографическое описание, выполненное А. Г. Шайхуловым [19, с. 704]. Отметим, что «говоря об Образе мира, мы имеем в виду не только этнопсихологический склад характера и этнокультурные особенности социума, а нечто иное. Речь идет о современной космологии – устройстве мира, его картине, приемлемой для национальных образов мира и их национальных инвариантов, которые сегодня оказываются востребованными не только на локальном, но и на глобальном уровне миропонимания» [3, с. 139]. В этнолингвистическом подходе к решению данной проблематики центральным понятием является и географический образ. Географический образ у башкирского этноса тесно связано с восприятием пространства. Понимание башкирами пространства самобытно и уникально [17, с. 107–110], что нашло отражение в народных песнях. Оригинальность национального склада мышления, мировосприятия в области нравственно-ценностной интерпретации мира отражена в башкирских народных песнях. Например: 1. ...Уралкайым, һинең күкрәгең киң- Ете лә ырыу илдең төйәге. һине генә һаклап яуҙар сапкан – Куйыныңда ирҙәр һөйәге... (Урал) «Урал родимый, грудь широка твоя – Здесь семь родов пристанище наши. Здесь кости славных воинов лежат, Что от врагов тебя оберегли». 2. Ай, тау яҡшы, тау яҡшы, Тау яғалап үткән юл яҡшы. Алтын менән көмөш сыжкан ерҙән Тыуып кына үскән ил яҡшы... («Йәйләүек») «Гора всегда, конечно, хороша, Но лучше, если по горе – дорога. Хорош тот край, где золото-серебро, Но родина, она всегда дороже». 3. Дуҫкайҙарым, һезгә ни бирәйем, Бохаранан килгән малым юк. Йәнгенәмде бүлеп бирер инем, Йәнгенәһез йөрөр хәлем юк... («Сәләй») «Друзья мои, что подарю я вам? Сокровищ я бухарских не имею. Я душу вам, друзья, готов отдать – Да без нее прожить едва ль сумею...» др.

В башкирских народных песенных текстах широко представлены топонимы, составляющие значительную часть песенного фонда собственных имен. (Источник: Башкирское народное творчество. Песни. Книга первая (на баш. яз.). Составитель С. А. Галин. Уфа: Башкирское

книжное издательство, 1974. 386 с.). Как показывают примеры, образуя своеобразную подсистему онимической лексики, топонимы носят системный характер (выражается и в песнях). Общепринятой является классификация топонимов по типу именуемого топообъекта, предполагающая выделение ойконимов (названий различных населенных пунктов и кочевий), гидронимов (названий океанов, морей, рек, озер, родников и других водных источников), оронимов (названий гор, хребтов, холмов, возвышенностей и других орографических объектов). Специфичная история, природа, материальные и духовные ценности каждого народа составляют в совокупности «национальную модель мира», т.е. целостный образ представлений и многообразия видов деятельности человека, мировидения, мировосприятия. Исследование отражения «национальной модели мира», языковой картины мира в народных песнях башкир на сегодняшний день является одним из актуальных направлений когнитивной лингвистики. В данной статье мы не ставим цели анализа всего башкирского песенного творчества в выше-названном аспекте. При этом отметим, что языковая картина мира каждого народа отражает как способы воплощения и структуры знаний о мире, особенности восприятия, так и этапы и результаты освоения человеком когнитивного пространства средствами национального языка. При выделении центра топонимического поля песни основным критерием служит частотность единицы. На этом основании выделим в качестве доминантных топонимов названия водных объектов (гидронимы), а также наименования горных объектов (оронимы). Среди названий водных географических объектов в рассматриваемом нами корпусе башкирских песен наиболее часто встречаются номинации водоема типа водного потока, например, реки: Төйәләс/Туяляс, Уйыл/Уил, Езем/Езем; побережья: Сәрмәсән буйы/ Долина Сармасан, Сәзе буйы/Долина Саде; озер:Түңәрәк күл/Круглое озеро, и др.; горы: Ирәмәле/Иремель, Урал, Елмәрзәк/Зильмардак, Алатау, Ямантау и др.

Важной особенностью башкирских народных песен является то, что в них топонимические данные содержат также информацию об этнонимах. Например, 1. Торналының ел башынан Гәйнә һалған юл микән... («Һолтанбәк») «С Турнали-земли дорогу Род гайны здесь проложил». 2. ...Йыуасалы тигән, ай, бер халык Тук буйыкайзарға таралған («Йыуасалы») «Джусалы, наш кочевнический род, Обжил Тука-реки берега». 3. Һакмар йылға буйы, ай, таш икән,...; Ғәбделдең дә улы, әй, Искәндәр Ун ике ауыл Бөрйәнгә баш икән... («Искәндәр») «Вдоль по Сакмаре, ой, каменьев тьма... Был Искандер, да ой, Габделя сын, Над двенадцатью бурзянскими аулами головой». 4. Оло күлкәй буйы кыйғыл асык – Кулбуғаулылар йәйләүе... («Кинйәмырза») «У Оро-куль, там, где коса, – Яйляу Кулбугаулы на пути». 5. ...Катай, кыпсак, бөрйән илдәренән Килгән безең ата-бабалар... («Сәзе буйы») «Из стран катайцев, кипчаков, бурдзян Пришли наши прадеды» и др. Топонимы в башкирских народных песнях рассматриваются как некий этнокультурный текст, несущий релевантную информацию об историческом прошлом народов, о границах их расселения, о культурных, торговых и географических центрах и т.п. Как показывают примеры, в песенном тексте выявляются специфические оценочные коннотации, определяются ряд закономерностей употребления исследуемых единиц, вскрываются особенности их сочетаемости. Это свидетельствует о том, что поэтические гидронимы и оронимы являются важным средством художественного осмысления образа, в башкирском песенном выражении они приобретают особую эстетическую значимость и выразительность, обрастая новыми, дополнительными смыслами, получая образно-экспрессивную интерпретацию. В башкирских народных песнях часто применяются традиционные символические образы, ха-

рактизирующие состояние души. Например, текущая вода, подснежник (сон-трава) – прошедшая жизнь; спелая ягода – девушка; кукушка – одиночество; туман, камыш – тоска и т.д. Следовательно, еще раз подчеркнем, что наше исследование, посвященное теоретическим аспектам этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении, базируется на изучении мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности, что непосредственно связано и с изучением ландшафтной лексики, обозначающей особенности рельефа местности, которые широко представлены и в башкирском песенном творчестве. Например, 1. Оронимические термины: Урал тауы «Уральские горы», буйкайзары армыт-армыт «Долины полны хребтов» ...таукайының битләүендә «на склоне горы», таузың башы «голова горы», итәге «подол горы», таузың үңере «Горловина горы», арка «Спина горы», ...күкрәгең киң «Широка грудь (горы)», комһоу ташыңды «песчаные камни твои», кая тау «скалистая гора» и др. 2. Гидронимические термины: шишмә буйзарында «долины родников», күлдәр «озера», камыш «камыш», һыу «вода» и др. 3. Микротопонимы, дремонимы и др.: урмандары «леса», урманлык «полесье», Уралкайзарзың далаһы «Уральские степи», ялан ер «ясная поляна», туғай «луг» и др. Как показывает фактический материал, лексика данного порядка обладает большим информационным потенциалом. В ней находят отражение особенности природной географической среды, флоры и фауны. Географические термины в песнях раскрывают особенности не только самого ландшафта, но и позволяют судить о материальной культуре народа, его этнических связях, исторических событиях давнего времени и т.д. В связи с отмеченным считаем, что актуальность нашего исследования подтверждается и тем, что геокультурные поля (в качестве аналога ментальности) содержательно наполнены образами-системами знаков, символов, характеристик, универсальными, ключевыми понятиями и иными вербально оформленными явлениями культуры. Таким образом, появляется возможность фиксировать геокультурные коды развития и форм деятельности в рамках тех или иных геокультурных пространств. В геокультурных полях достигается максимальная свобода категоризации явлений культуры с учетом их местоположения [3, с. 295]. Отметим, что географическое пространство в большей степени осознается как система (системы) образов в процессе человеческой деятельности, деятельности определенного этноса. Опираясь на выводы научных изысканий исследователей, мы полагаем, что башкирская географическая терминология, отражаемая в народном песенном творчестве, имеет особое значение при решении заявленной проблематики. Н. Х. Максютлова, определяя характер диалектологических исследований в перспективе, пишет: «В дальнейшем должно быть обращено внимание на историю формирования диалектов, выяснение внутренней истории диалектных явлений в связи с историей этноса. В башкирской диалектологической науке еще не изучены языковые явления, связанные с наличием различных этнических компонентов как тюркского, так и нетюркского происхождения; не раскрыты древнетюркский, древнебашкирский пласты явлений и их трансформации, не объяснены причины происхождения явлений и признаков, составляющих специфику в грамматическом, лексическом и синтаксическом строе башкирского языка» [10, с. 15–16]. Особый интерес исследования географических терминов, с вышеназванной точки зрения, объясняется нами тем, что они как категории времен года или части человеческого тела имеют преимущественно онтологическую природу, а значит, более устойчивую структуру и более четкие границы категории. Исходя из этой позиции географические термины могут быть подвержены разноплановому изучению. Например, как в ареальном, так и в локальном плане их употребления, фиксации.

Комплексное исследование географических терминов с целью выявления и установления методологических аспектов этнолингвистического изучения топонимической системы показывает, что человек адаптируется к реальному миру тем, что всему дает как бы свое название, определяет его место в мироздании. Географические термины служат ценным и надежным языковым материалом при решении как задач выявления интенсивности этнолингвистических контактов, так и лексического характера, истории, этнографии народа. Эти явления взаимосвязаны и объясняются также исторической обусловленностью появления, увеличения количества географических терминов и географических названий. Если представить ономастическое пространство как сумму имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для наименования реальных объектов, то оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время, но в ней всегда сохраняются элементы прежних эпох. Изучение лексического богатства каждого языка очень важно, т. к. слово является доказательством и свидетельством жизни народа, его мировоззренческого наследия. Слова образуют систему понятий народа. Чем разнообразнее и шире набор слов, тем полнее они отражают жизнь, уровень его мышления.

Топонимическая система, складываясь на протяжении длительного времени, представляет собой когнитивный «конгломерат», в котором отражены культура, языки, время и пространство, этапы и социально-исторические условия развития общества. Башкирские топонимы транслируют языковую картину мира его носителей, систему ценностей, отраженных в языке и посредством языка, при этом топоним есть источник познания самого главного – носителя языка. Таким образом, каждый топоним, обладающий огромными «недрами» духовного потенциала и народного богатства, представляет для науки ценнейший источник феноменального материала. Как уже было отмечено выше, наше исследование, посвященное изучению теоретических аспектов этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении Э. Р. Тенишевым о том, что необходимость такого характера работ заключается прежде всего в том, что каждый из тюркских языков имеет этнос с определенным сознанием мироощущения, мировосприятия, мировидения, которое отражается прежде всего в лексике, описывающим «неповторимый и оригинальный мир, его разнообразие – бесценное богатство тюрков, которое надо бережно хранить и развивать. Очевидным для тюркского мира на современном этапе является выявление общих корней, символизирующих единый характер мировосприятия, образа мира. Исходя из сказанного нужно отметить важность унификации терминологии в данной области, которая не представляет особых трудностей. Все вышесказанное направлено на решение таких важных вопросов, как попытка описать, каким образом в действительности отражаются определенные группы лексики в человеческом сознании, глубину языковой культуры. По мнению Н. З. Гаджиевой и Ф. Г. Исхакова, лексический материал является сокровищницей, в которой хранится бесценный материал по истории народа: происхождение и развитие народа, его быт и культура, возникновение и рост материальных и духовных ценностей, его роль в развитии общечеловеческой культуры, во все более и более глубоком познании природы и овладении ею, – все это отражается в лексике [1, с. 1]. Язык народа рассматривается в данном случае как «одежда» его мыслей, чувств, ощущений, причем наиболее удобная «одежда», выгодно отличающаяся своей выразительностью, например, от языка жестов или рисунков, схем. При этом языковая картина мира опирается на когнитивные представления народа, другими словами – на знание по возможности всей массы реалий жизни народа в контексте культурно-информационной

среды. «Оригинальный характер когнитивной базы этноса составляет не только словарный состав языка, но и юмор, игра слов, намеки, каламбуры, шутки, за которыми стоит вера в силу и мудрость родного языка, его способность доносить до сознания «высокий смысл вечных истин» [3, с. 55]. В наибольшей степени феноменальность национального склада мышления отражается в национальной лексике. Лексические единицы любого языка могут быть подвержены специальному исследованию в соответствии с целями и задачами.

Таким образом, из проведенного анализа следует вывод о том, что топонимическая система является существенным фрагментом башкирской языковой картины мира. Топонимическая система Урало-Поволжья, с точки зрения когнитивной лингвистики, ярко отражает ментальные особенности целого этноса, отдельного носителя языка. С позиции такого подхода изучения весьма актуальной и перспективной может являться проблема системной интерпретации освоения окружающей действительности в рамках идеографической классификации как каркаса познавательного процесса.

Литература

1. Гаджиева, Н. З., Исааков, Ф. Г. *Вопросы исторического развития лексики тюркских языков*. М.: Восточная литература, **1960**. 27 с.
2. Гачев Г. Д. *Национальные образы мира*. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, **1995**. 480 с.
3. Зеленев Е. И. *Постижение Образа мира: Монография*. СПб.: КАРО, **2012**. 336 с.
4. Ишбердин, Э. Ф. *Историческое развитие лексики башкирского языка*. М.: Наука, **1986**. 151 с.
5. Киекбаев Дж. Г. *Основы исторической грамматики Урало-Алтайских языков: Структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угро-финских языков на основе теории определенности в языке*. Уфа: Китап, **1996**. 368 с.
6. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар: КГУ, **2009**. 51 с.
7. Корнилов О. А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. 4-е изд. М.: КДУ, **2014**. 348 с.
8. Кузеев Р. Г. *Происхождение башкирского народа*. М.: Наука, **1974**. С. 576.
9. Кузеев Р. Г. Источники по истории Башкирии до XVI в. // *Южноуральский археографический сборник*. Уфа, **1973**. Вып. I. С. 133–150.
10. Максютлова Н. Х. *Восточный диалект башкирского языка*. М.: Наука, **1976**. С. 292.
11. Миржанова С. Ф. *Южный диалект башкирского языка*. М.: Наука, **1979**. С. 272.
12. Морковкин В. В. *Идеографические словари*. М.: изд-во МГУ, **1970**. 71 с.
13. Наханова, Л. А. Историко-семантическая интерпретация топонимов в орхоно-енисейских памятниках: дис... д-ра филос. наук. Астана, **2014**. 185 с.
14. *Очерки истории башкирского литературного языка*. М.: Наука, **1989**. 256 с.
15. Тенишев.Э. Р. *Избранные труды. Книга первая*. Уфа: Гилем, **2006**. 304 с.
16. Шайхисламова З. Ф. Методологические аспекты этнолингвистического изучения башкирской топонимической системы Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока Российской Федерации в этноонтологическом контексте // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. **2016**. №3(91). С. 65–73.
17. Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // *Вестник Башкирского университета*. **2014**. Т. 19. №4. С. 1480–1488.
18. Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты когнитивных исследований кыпчакско-огузских лексических взаимосвязей (на материале эмотивов) // *Вестник Чувашского университета*. **2014**. №4. С. 190–198.
19. Шайхулов А. Г. *Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ (структурная и идеографическая параграмматика)*. Алматы: Кантана-Пресс, **2012**. 704 с.

Поступила в редакцию 12.10.2016 г.

После доработки – 22.10.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.8

Methodological aspects of ethno-linguistic studies of toponymic systems of Ural-Volga region (ethno-ontological comprehension)

© Z. F. Shayhislamova

Bashkir State University

32 Z. Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: zubarzhas@yandex.ru

According to the priority the modern anthropocentric direction, as well as the fact that the ontological existence of toponymic system merges with its mental existence, the consideration of the Bashkir toponymy from the standpoint of cognitive linguistics in the aspect of representation by toponymic system of toponymic identity and mental structures of a native speaker becomes inevitable. In connection with the goal and objectives of the work. certain methodological framework is settled that determines the classification of generalizing the results, as well as possessing heuristic power, while allowing, on the one hand, to discover new aspects in the framework of the study subjects, on the other, establishing the new semantic links between previously known lexical units. It is proved that the Bashkir toponymic system should be considered as an organized fragment of a language picture of the world. It is stated that the ethno-linguistic study of toponymy Bashkir Ural-Volga region within ethno-ontological, interpretation to date still remains poorly known horizon of onomastics (especially toponymic) science. The article deals with the disclosure of the mentioned problems that are analyzed: ideographic classification as a framework of the cognitive process, cognitive approach to language etc.

Keywords: toponymic system, cognition, cognitive approach, ideographic characteristic phenomenon ethno-ontological comprehension.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Shayhislamova Z. F. Methodological aspects of ethno-linguistic studies of toponymic systems of Ural-Volga region (ethno-ontological comprehension) // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 6. Pp. 611–621.

References

1. Gadzhieva, N. Z., Iskhakov, F. G. *Voprosy istoricheskogo razvitiya leksiki tyurkskikh yazykov [Questions of the historical development of the vocabulary of the Turkic languages]*. Moscow: Vostochnaya literatura, **1960**.
2. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]*. Kosmo-Psikhologos. Moscow: Progress, **1995**.
3. Zelenev E. I. *Postizhenie Obraza mira: Monografiya [The comprehension of the Image of the world: Monograph]*. Saint Petersburg: KARO, **2012**.
4. Ishberdin, E. F. *Istoricheskoe razvitie leksiki bashkirskogo yazyka [Historical development of the vocabulary of the Bashkir language]*. Moscow: Nauka, **1986**.
5. Kiekbaev Dzh. G. *Osnovy istoricheskoi grammatiki Uralo-Altayskikh yazykov: Strukturnyi analiz morfologicheskogo stoya tyurkskikh, mongol'skikh, tunguso-man'chzhurskikh i ugro-finskikh yazykov na osnove teorii opredelennosti v yazyke [The basics of the historical grammar of the Ural-Altai languages: Structural analysis of the morphological system of the Turkic, Mongolian, Tungus-Manchu, and Finno-Ugric languages based on the theory of definiteness in language]*. Ufa: Kitap, **1996**.
6. Kovlaka E. F. *Osobennosti formirovaniya toponimicheskoi kartiny mira: leksiko-pragmatischekii i etnokul'turnye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar: KGU, 2009*.
7. Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*. 4 ed. [Language picture of the world as derivatives of national mentalities. 4th ed.] Moscow: KDU, **2014**.

8. Kuzeev R. G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda [The origin of Bashkir people]*. Moscow: Nauka, **1974**. Pp. 576.
9. Kuzeev R. G. *Yuzhnoural'skii arkhograficheskii sbornik*. Ufa, **1973**. Vyp. I. Pp. 133–150.
10. Maksyutova N. Kh. *Vostochnyi dialekt bashkirskogo yazyka [The eastern dialect of the Bashkir language]*. Moscow: Nauka, **1976**. Pp. 292.
11. Mirzhanova S. F. *Yuzhnyi dialekt bashkirskogo yazyka [The southern dialect of the Bashkir language]*. Moscow: Nauka, **1979**. Pp. 272.
12. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari [Ideographic dictionaries]*. Moscow: izd-vo MGU, **1970**.
13. Nakhanova, L. A. Istoriko-semanticheskaya interpretatsiya toponimov v orkhono-eniseiskikh pamyatnikakh: dis... d-ra filos. nauk. Astana, **2014**.
14. *Ocherki istorii bashkirskogo literaturnogo yazyka [Essays on the history of the Bashkir literary language]*. Moscow: Nauka, **1989**.
15. Tenishev, E. R. *Izbrannye trudy. Kniga pervaya [Selected works. Book one]*. Ufa: Gilem, **2006**.
16. Shaikhislamova Z. F. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. **2016**. No. 3(91). Pp. 65–73.
17. Shaikhislamova Z. F. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. **2014**. Vol. 19. No. 4. Pp. 1480–1488.
18. Shaikhislamova Z. F. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. **2014**. No. 4. Pp. 190–198.
19. Shaikhulov A. G. *Opyt slovarya-tezaurusy odnoslozhnykh kornevykh osnov (strukturnaya i ideograficheskaya paragramatika) [Compilation of thesaurus-dictionary of monosyllabic root bases (structural and ideographic pragmatics)]*. Almaty: Kantana-Press, **2012**.

Received 12.10.2016.

Revised 22.10.2016.